

А. В. Маслова

Фундаментальность понимания на пути к новой антропологии

Статья посвящена проблеме трансформации человеческой природы на протяжении исторического развития и усложнения социальной реальности. Одной из актуальных проблем современности является самоопределение человека в эпоху тотального техногенеза, в связи с которым происходит переориентация в пространстве и времени, что приводит к изменению мышления и когнитивных функций. Диалектическое взаимодействие рационального с внерациональным является важным критерием феномена понимания, на котором в современном мире базируется человеческая природа. Внерациональный фактор в своем конструктивном, творческом потенциале постепенно вытесняется искусственной виртуальной реальностью. Проводится различие между естественной виртуальной реальностью, базирующейся на творческой силе воображения, и искусственной виртуальной реальностью, представляющей для человеческого сознания готовый мультимедийный продукт, в котором человек становится пассивным деятелем.

В статье будут рассмотрены проблемы изменения человеческой природы в свете трансгуманизма и эволюции мышления в контексте смены традиционной реальности на цифровую. В этой связи приобретает новый оттенок феномен понимания, который становится по ту сторону человеческого сегодня. В этом состоит трагизм понимания в современном мире.

Ключевые слова: антропология; трансгуманизм; самосознание; понимание; мышление.

Мы никогда не бываем у себя дома,
мы всегда пребываем где-то вовне.
Опасения, желания, надежды влекут нас к будущему;
они лишают нас способности воспринимать и понимать то,
что есть, поглощая тем, что будет хотя бы даже тогда,
когда нас самих уже не будет.

Calamitosus est animus futurianxius [8: с. 78]

Введение

На протяжении истории менялся способ мышления и, соответственно, способ самоопределения человека в каждую историческую эпоху. Однако сохранялось единство когнитивных способностей, которые в совокупности представляют собой инвариант человеческого бытия. Таким образом, существует два уровня проявления человеческой природы. Первый уровень — это встроенность в культурно-исторический контекст, с которым происходит активное взаимодействие. Второй уровень — это уровень когнитивно-смысловой, на котором создается субъективная реальность, вбирающая в себя глубинные пласты сознания. В статье будут проанализированы внутренние внерациональные факторы взаимопонимания, а также их роль в контексте межкультурного диалога в современном техногенном мире.

Путь изменения структуры человека затрагивает не только историю одной культуры, но и подчеркивает различие разных культур. Это различие порождает проблему взаимопонимания, поиска той точки интересубъективного пространства, где было бы возможно смысловое единство. Такое дискурсивное поле вбирает в себя одновременно условия понимания и радикального непонимания. Это создает интерес диалога, который восходит к глубинным когнитивным основаниям процесса понимания.

Аспекты понимания

Для начала необходимо определить, что есть понимание и как оно может стать фундаментом для новой антропологии. Феномен понимания стал объектом философского анализа не так давно, основательно он вошел в его проблемное поле с момента формирования герменевтики [16]. Необходимость верно толковать чужую мысль, изображенную во множестве упорядоченных знаков, стала первостепенной в гуманитарных науках, имеющих дело преимущественно с текстами. Творение новых смыслов сопровождается одновременно переработкой накопленного знания, багаж которого способствует выходу к новому знанию, к озарению пониманием. Интуитивный метод толкования имеет под собой глубинные основания в структуре человеческой души. Такой подход раскрывает силу внерациональных факторов человеческого интеллекта. Понимание, таким образом, происходит на границе рационального

и внерационального, прокладывая путь к ясному знанию. Здесь важно отметить роль предпонимания в процессе непосредственного понимания. Даже акт восприятия обусловлен контекстом; более того, как пишет К. Вульф: «После изобретения и распространения письменности визуальное мышление меняется по сравнению с видением в оральных культурах» [5: с. 156]. Представления о времени, наделение смыслом различных процессов происходит в каждой культуре по-разному, с большей или меньшей степенью сходства, что составляет основание для предварительного понимания и дальнейшего восприятия новых впечатлений, мыслей и чувств.

Предварительное понимание относится к background нашего познания, это вместилище утвержденных в сознании смыслов, получивших от него свое легализованное право находиться в сознании и влиять на процесс восприятия новой информации. Подобно тому, как Д. Деннет определяет сознание через способность интерпретировать информационные потоки поступающей информации абсолютно от разных источников, мы можем определить процесс интерпретации как неотъемлемую часть жизни человеческого сознания. Таким образом, сознание выступает великим интерпретатором, постоянно меняющим само себя [20]. Сознание выступает герменевтом нашей жизни, и от того, как оно будет интерпретировать ее, какими смыслами ее наделять, зависит возможность взаимопонимания и, соответственно, уровень агрессии/миролюбия в мире. Уровень предпонимания подобен точке бифуркации, когда еще неизвестно, каков будет результат интерпретации, приведет ли он к пониманию и взаимопониманию, либо к непониманию и вражде.

Интуитивный аспект в процессе понимания относится к рассмотрению его как когнитивной способности и одновременно как к мгновению озарения, что поражает своим светом. Как когнитивная способность она универсальна и всеобща, как мгновение — редкий гость в нашей жизни. Интуитивное познание не может быть отделено от накопленных знаний. Даже знание различия, инаковости может спровоцировать процесс работы интуиции. Интуиция в своей универсальности является свойством, обеспечивающим процесс понимания в индивидуальном сознании каждого человека. Таким образом, на когнитивном, гносеологическом уровне мы получаем узловую способность, объединяющую рациональный ум отдельного человека, который связан с контекстом культуры, в которой он был сформирован, и универсальную внерациональную природу, направленную на понимание и взаимопонимание. Однако понимание является труднодостижимым в связи со столкновением убеждений, а также заложенного в глубинной природе, т. е. генетически, дихотомии «свой – чужой» [17]. В этой связи на службу диалога культур, устремленному ко взаимопониманию, должна быть поставлена герменевтика. Как отмечает Э. Тисельтон, «на серьезном философском уровне герменевтика воспитывает уважение к чужому мнению, терпение и стремление к взаимопониманию, не умаляя искренней преданности человека к собственным убеждениям» [16: с. 21]. В данной характеристике роли герменевтики состоит ее функция как воспитателя человечности.

Теперь рассмотрим понятие человечности в данном контексте. На протяжении всей истории человек искал оптимальный способ выживания, что привело его к тому, что было сформировано как минимум три способа существования, проявляющих себя также в современном обществе. Эти различные способы жизни характеризуют различие культур, их жизненные приоритеты и системы ценностей. Однако мир в целом нуждается в определенном едином поле взаимопонимания, чтобы сохранять себя в целостности и балансе. Стремление к такому балансу и есть человечность как синкретичное понятие, вбирающее в себя характеристики ответственного, разумного, умеющего чувствовать мир человека. Современный *технотронный* мир постепенно нивелирует это качество. Мало сказать о необходимости взращивания человечности, необходимо осмыслить контекст, который способствует ее развитию или исчезновению.

Сегодня все отчетливее звучат слова Ф. М. Достоевского, характеризующие окружавшее его общество: «“Сорвавшиеся с корней”, “потерявшие нитку”, не имеющие твердой нравственной почвы и высших ориентиров, а потому “корчащиеся” под грузом современных проблем люди...» [15: с. 272]. Но человеческое в человеке подобно просвету Dasein М. Хайдеггера находится в том, что показал Достоевский в романе «Идиот», человечность стала похожа на идиотизм, на наивную глупость и что можно назвать сегодня неэффективным менеджментом своей жизни. Do ut des пронизывает даже отношение к самому себе, неисчерпаемому источнику творчества самого себя.

Тотальное непонимание пронизывает современный мир по той причине, что понимание перестало быть необходимым. Теперь перейдем к рассмотрению контекста кенозиса человека в технотронном мире.

Трансчеловек vs Постчеловек

Реалии 2020 года указали на катастрофичность повсеместного внедрения дистанционного образования; изоляция ученика от своих товарищей, одноклассников, от учителя становится сегодня бичом. Мало того, что само знание, начиная с развития теоретического знания (θεωρία), стало отчуждаться от носителя знания, теперь отчуждение происходит на стадии передачи самого знания. Появился цифровой посредник, от которого зависит сам процесс передачи знания. Виртуальный класс — это вакуум между учителем и учеником, где отсутствует живительный кислород общения и эмоционального отклика. Известно, что наша память работает семантически, запоминая эмоции, связанные с конкретным знанием, но не само это знание как таковое без привязки к личному опыту. С внедрением цифровых технологий в область образования этот личный опыт суживается до компьютерного экрана, клавиатуры и наушников. Гуманология, о которой пишет М. Эпштейн, вызывает в этой связи особый пристальный интерес, эта область гуманитарного знания наполняется

новыми смыслами, и от нее требуется ответить на вызовы современного дистанционного коллапса [19]. Действительно, «по мере того, как машина, техника, компьютеры овладевают традиционными областями человеческого мышления и действия, человеческое все более воспринимается как нечто редкое, диковинное, удивительное...» [19: с. 85]. Этой удивительностью может стать простое человеческое общение и, как следствие, понимание.

Известно, что процент живого общения уменьшается, при этом мышление замыкается на собственных проблемах, блокируя возможность конструктивного осмысленного диалога. Мышление становится локальным, ограниченным подручным бытием, что приводит к духовной слепоте и начинает походить на работу компьютера, выполняющего заданную программу. Конечно, в нас заложена биологическая программа, детерминированная нашими генами. Однако эта же генетическая программа не противоречит существованию того, что мы именуем культурным субъектом, личностью, наделенного свободой воли и разумом. Еще И. Кант определил просвещенного человека как того, кто умеет пользоваться собственным разумом, полагаясь только на свою волю и с чувством ответственности совершать поступки [6: с. 29]. Автономия воли и этико-социальные проблемы выражают глубинную структуру способности человеческого познания. Эпистемология в данном аспекте предстает в качестве основания этики. Способ действия отражает способ познания, в некотором смысле он детерминирован той гносеологической моделью, которая принята в той или иной культуре.

Показательно, что слово «душа» стало неким изгоем в научном сообществе, с заменой которого другим понятием утратился тот глубинный смысл, который оно в себе несло. Человек — это не только разум, но и нечто намного большее, а именно то, что находится в основании этого разума. «Кто философски познает мир, тот... не может быть одной из вещей мира в ряду других, тот сам должен быть миром» [1: с. 294]. Актуальными становятся исследования творческих способностей человека, раскрывающие креативный потенциал мышления и сознания. Именно в творческом акте происходит синтез радио- и интуитивного, холистического мышления, проявляющего целостную картину непознанного. Границы познания раздвигаются посредством заложенного в человеке стремления выхода за пределы собственного разума. Однако сама возможность мыслить трансцендентное уже подразумевает некое подобие феноменов мышления и трансцендентного, которое подвергается осмыслению. Этот аспект активно изучается в области философии сознания, который является актуальным направлением современной философской мысли [2: с. 272]. Итак, наше сознание направлено на иное, на то, что выходит за его пределы, при этом существует некоторое доопытное сходство с этим иным.

Человек обладает поразительной способностью к воображению, а это не что иное, как «способность человека принимать образы извне во внутренний мир, то есть превращать внешний мир во внутренний, а также способность создавать, сохранять и изменять внутренние картины мира различного

происхождения и смысла» [5: с. 155]. Эта способность требует постоянной тренировки, создание образов требует творчества. Например, во время чтения книги работает сила воображения, создается новый мир, виртуальная естественная реальность, получившая свой импульс из прочитанного произведения. В отличие от кино как готового образного ряда в процессе чтения воображение является продуктивной силой, на что пока не способна ни одна автоматизированная система. Естественный виртуальный мир возникает из естественной способности воображения. Кант определял способность познания через продуктивную способность воображения как данную по природе априорную функцию нашего ума. Если ее не развивать, то человек станет ведомым тем искусственным миром, который создается и навязывается тем, кто не развивает свое воображение. Воображение является предтечей воли, основанием мечты, цели и поступков.

В контексте проблемы понимания, особенно взаимопонимания, необходимо учитывать принципиальные различия разных культур. Это различие может относиться не обязательно к таким полям, как европейская и восточная культуры, различия имеют место и в локусе единого исторического развития одной культуры. Это видно на примере смены способов существования европейской истории. Тем не менее признание инаковости и стремление узнать лучше становится одной из целей межкультурного диалога, где человечность является условием сохранения аутентичности и целостности каждой культуры.

Конечно, современная цивилизация в процессе глобализации подвергла уравниванию большую часть мира и стиранию культурных различий, однако это кажется только на первый взгляд. Для культуры важно не то, во что одеты ее представители и что они покупают, важно то, как они мыслят, как они живут и как воспитывают новое поколение, какие паттерны поведения и способ мышления одно поколение передает другому. Нельзя навязать извне образ жизни, он просто может не совпасть с тем, который сформировало данное социальное пространство и в котором уже устоялись принципы и нормы взаимодействия между людьми и природой. Тем не менее на уровне глубинных оснований человеческого сознания посредством информационных технологий можно в некотором смысле перепрограммировать человека, сделать его другим по отношению к своей культуре. Воздействие техники на сознание человека в этом смысле неоспоримо. Оно дистанцирует человека от самого себя, предлагая альтернативные миры виртуальной реальности. Тем самым становится неактуальным включение таких когнитивных механизмов, которые направлены на взаимопонимание. Понимать уже нет необходимости, достаточно только знать и при этом не знать «что», а знать «как», т. е. определить местоположение нужной информации в нужное время.

В диалоге «Федр» Сократ говорит пророческие слова, что если мы начнем записывать мудрые мысли, фиксировать в записях ход рассуждений, то мы утратим способность запоминать, а также воспроизводить ход когда-то произнесенной мысли [10]. Это относилось к философии как к живому

мышлению, постоянно обновляющему свое проблемное поле. В этом предостережении кроются далеко идущие следствия для когнитивного аспекта изучения человека, где анализу подвергаются такие способности, как память, мышление, воображение. Но есть еще социальная память, которая аккумулирует в себе познавательный опыт человечества, формируя исторический архив цивилизаций, который выступает объединяющим фактором всех культур мира. Таким образом, создается единое поле взаимопонимания на основании поиска способов сохранения и передачи накопленного знания будущим поколениям. В этом вопросе могут помочь технологии искусственного интеллекта (ИИ), который способен быстро произвести манипуляции с заложенной в него информацией, анализ данных для этих технологий представляется простой задачей. В этом смысле технологии ИИ становятся полезными помощниками, которые разгружают человека, «отдав умной машине интеллектуальную рутину» [9: с. 176].

Рассмотрим амбивалентность прогресса, набившему оскомину как проблема в гуманитарной мысли. Антропоцентризм, начавший свое шествие с началом возникновения науки и первой научной картины мира, развился до современных технологических высот. Но уже в XX веке сила знания превратилась в причину страдания многих людей и даже народов. Появление ядерного оружия, химических, бактериологических открытий стало угрозой для человечества, что мы можем наблюдать сегодня во время шествия новой инфекции COVID-19. Однако эти негативные последствия являются оборотной стороной тех благ, которая принесла человечеству идеология антропоцентризма.

Самопознание с Нового времени претерпевало свои изменения, и то, как мыслил себя человек даже в XX веке, сильно отличается от мышления современного школьника или студента, который погружен, более того, брошен в информационные потоки, к которым его природа не готова. Известно, что человеческий мозг способен вынести ограниченное количество информации, но сегодня в связи со всеохватностью сфер жизни человека Интернетом их намного больше. От этого возникают все больше психических расстройств и зависимостей. Например, зависимость от негативных новостей или от онлайн-шопинга и т. д. Виртуальная реальность одновременно позволяет человеку как познать нечто новое, что является позитивом подручности научных библиотек и онлайн-лекций, так и утратить в ней свою целостность. Такая утрата происходит с приобретением зависимости, которая может быть совершенно неосознанна, но она медленно устраняет человека от процесса творчества самого себя. Даймонион, о котором говорил Сократ, будет заменен голосовым помощником, который якобы должен брать ответственность за решения. Но это не так, ответственность за поступки и решения берет на себя только сам человек, а понимание этой экзистенциальной истины возможно только посредством классического образования и возделывания внутреннего человека воспитанием добродетели.

Этот внутренний человек, по мнению М. Н. Эпштейна, должен стать сверхчеловеком, и подобно тому, как Бог является творцом для человека, так человек становится творцом для интеллектуальной машины. В этой связи

необходимо дифференцирование человеческого от Божественного и человеческого от машинного.

Поразителен пример высказывания Кевина Келли, который интерпретирует Дж. Ланир в книге «Вы не гаджет»: «Когда все книги мира будут оцифрованы и доступны для поиска, а отрывки из них можно будет перемешать, они быстро станут “одной книгой” в универсальном вычислительном облаке, и что это не просто хорошо, а является “моральным императивом”» [7: с. 79]. В этом заявлении мы обнаруживаем оценку нивелирования истории идей со своим носителем как благо и даже должное, однако часто без понимания контекста невозможно достичь понимания. Идея «одной книги» кажется в высшей степени далекой от гуманитарных ценностей развития и прогресса, так как отстраняет человека от автора, от носителя впитываемых им идей, в итоге от самого человека.

Философия призвана быть гарантом человеческого в человеке и сохранения его статуса как сверхчеловека в варианте кенозиса в технологиях. Поиск философского камня в Средние века не таил еще в себе угрозы уничтожения человеческой души, в смысле той сущности, которая способна к эмпатии, состраданию и пониманию. Но алхимия техники становится действительно магической по своему влиянию на массовое сознание.

Магия техники сама по себе эквивокальна. С одной стороны, благодаря Интернету мы можем общаться, в смысле передавать свои мысли и эмоции через огромные расстояния. С другой — мы становимся рабами удобства средств коммуникаций. Если десятилетие назад говорили о клиповом мышлении, то сегодня мы говорим о СМС-мышлении или ватсап-мышлении. Отсутствие чувства времени при мгновенной передаче послания создает вакуум, который постепенно заполняется экзистенциальной скукой. Эта пустота отличается от рутины и *vanitas vanitatis* тем, что на ее месте возникают призраки ценности собственного бытия, на чем строится современная ценностная система потребления.

Если современный человек в своем творчестве, по сути самотворчестве, мыслящих машин приближается к состоянию сверхчеловека и Бога, то одновременно он получает дозу скуки, как средневековой *acedia*, при которой разум перестает ощущать себя на твердой почве своей человеческой природы. Выход в область Божественного не нарушает границы проявления свободы, дарованной человеку, но потеря контроля над своим внутренним моральным субъектом приводит к тому, что в Средние века считалось смертным грехом «именно это чувство испытывают монахи, погружаясь в бездонную пустоту при чтении Священного Писания» [11: с. 30]. Современная технотронная эпоха привела человека к границе его свободы, но может ли он потерять эту свободу, утопая в бесконечной *acedia*? Феноменология скуки являет собой новое направление в области антропологических исследований. Скука поглощает человека незаметно, отнимая самое ценное — смысл жизни. Именно за смыслом жизни Л. Н. Толстой обращался к иной культуре, бросив искомую веру. Не стоит ли также в поиске смысла обратиться к инаковости другого? Бросить

вызов посредством зеркала философии обстоятельствам, вызывающим экзистенциальный вакуум и потерю смысла. Это зеркало должно вскрыть истинные тренды по изменению человеческой природы, понять, до какого предела можно вмешиваться в нее, а где область неприкосновенного.

Наряду с негативной стороной внедрения информационных технологий в них есть определенно положительный компонент — это ускорение во всех процессах, скорость становится приоритетом перед качеством и смыслами. Но скорость, несмотря на освобождение времени, кроет в себе серьезные экзистенциальные последствия. В первую очередь они связаны с пагубным ускорением восприятия искусства, в частности визуальных образов. Об этом точно пишет известный французский философ Поль Вирильо: «Благодаря промышленному размножению визуальных и аудиовизуальных протезов, благодаря активному использованию технологий моментальной трансмиссии мы с самого раннего возраста с привычной легкостью считываем все более сложные ментальные образы, все меньше задерживаясь на них и почти не возвращаясь к ним впоследствии: мнезические образы распадаются все быстрее» [4: с. 16]. Нет нужды долго рассматривать великое произведение искусства в музее, даже не надо тратить время на дорогу в этот музей, а лишь дома потратить небольшое количество времени на созерцание. Однако в погоне за временем ускользает суть времени, смысл, стоящий за длительностью проживаемой жизни. Она распадается на кванты, клипы и мерцания впечатлений, так и не получив должной меры потраченного времени на самосозерцание и самотворчество.

Когда человек живет в привычном ритме жизни, тратя на дорогу до работы определенное количество времени, он находится в гармонии с этим потраченным на дорогу временем. В конце концов, если дорога проходит в общественном транспорте, можно обратить это время в продуктивное чтение и развить свое воображение. Попадая в ситуацию разрушенного ритма привычной траты времени, человек обнаруживает дыру темпоральности, которую нужно заполнить, найти способ ее закрыть. Так произошло в процессе локдауна, когда время, при нормальной ситуации, было потрачено на дорогу, теперь оно сконцентрировалось в одном месте — дома, и что с этим сгустком времени делать, как им закрыть темпоральную дыру, остается проблемой современной психологии и психиатрии. Известно, что из-за нарушения темпорального ритма люди стали терять смысл жизни, стали находиться в состоянии психоза и депрессии. Следовательно, освобождение человека от траты часов и минут на дорогу и т. д., предоставляя ему массу свободного времени, он будет в ужасе от того, что не сможет найти ему применения. Разрыв ритма — это сложная проблема современного человека, брошенного в карантин. Здесь технологии начинают подсказывать и помогать человеку в таком состоянии, создаются новые интерактивные программы, что способствует более интенсивному формированию виртуальной реальности. Это пользуется спросом, потому что реальная реальность сузилась, сморщилась до экрана монитора, где возможностей становится намного больше, чем когда бы то ни было. В 1990 г. в Японии была

создана сеть под названием NYFTY-Service, новая реальность, виртуальный мир, который управлялся ИИ. «На нынешней стадии ее развития горожане, существующие только на экране, могут избирать депутатов, заключать между собой браки и т. д.» [12: с. 211]. Человек, погруженный в подобный виртуальный мир, создает себя заново, забывая себя настоящего. Можно сказать, это новая форма нарциссизма, когда бесчувственный к другим, пребывающий во сне человек находит место только для самолюбования и креации себя в мире грез. Обратимся к Финну Скэрдеруду, известному норвежскому психиатру и психотерапевту: «Имя Нарцисса (по-гречески Narcissos) отсылает нас к понятию “наркоз”, что означает *анестезия, паралич, сон, бесчувственность*. При книжной анестезии человек может испытать потерю *самого себя* и *утрату доступа к собственным органам чувств*» [13: с. 125]. Замыкание на виртуальной реальности может сделать из полноценного, здорового человека нарциссиста, испытывающего скуку и неудовлетворенность собой и окружением. Сегодня эти симптомы особенно отчетливо проявлены. Более того, мы наблюдаем манипуляцию сознанием с помощью информационных технологий. Это идея уже кажется банальной, но за словами кроется энергия смысла, которая может быть только прочувствована и прожита. Этот смысл состоит в информационном тоталитаризме, иными словами, «если говорить на языке экономики, цифровой маоизм становится все более подходящим термином» [7: с. 131]. Это создание своего рода «кибернетического тоталитаризма», манящего представлением иллюзии свободы. В этом смысле обратимся к понятию гуманологии, которая в данном контексте действительно призвана наукой о человеке, его изменениях и трансформациях мышления и сознания.

«Гуманология — это и есть наука о человеке, преступающем свои видовые границы, наука о трансформациях человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума, потенциально превосходящий биологический вид *homo sapiens*» [18: с. 103]. Однако проблема здесь состоит в том, чтобы сохранить при этом человека как экзистенциально конечного и обладающего сознанием, которое еще до конца не изучено. В этом и состоит философский поиск границы естественного и искусственного, человеческого и нечеловеческого. Сверхчеловеческое органично встраивается в человеческое как его высшая ступень приближения к Божественному, возможно, заложенная в его развитие.

Интуиция как способность открывать новое является когнитивным фактором отличия человека от нечеловека, возможностью выйти за собственные пределы благодаря сверхчувственному опыту контемплиации и инсайта. Эта способность базируется на инкорпорированном в человеческую природу феномене эмпатии. На нем основано взаимопонимание и чувство ответственности за свои поступки в частности. До сих пор не создано робота, который мог бы чувствовать и сопереживать другому. В сохранении этой способности состоит возможное будущее гуманитарной мысли и разграничения человека от сверхчеловека, человека от нечеловека.

Заключение

«Мы попадаем в этот мир с зависимостью (от пищи, от заботы других людей, от смысла и т. д.), от которой никогда не сможем освободиться полностью, и в конце концов смерть положит конец всем нашим возможностям (Хайдеггер), и это значит, что мы в высшей степени уязвимы в процессе жизни» [3: с. 103]. Невозможность быть иными провоцирует человека создавать более совершенные механизмы, освобожденные от базовых несовершенств человеческого тела, в котором растворено его сознание, оно буквально окутывает тело. Вне тела мир искусственно созданных механизмов, мир искусственного интеллекта, по отношению к которым человек становится сверхчеловеком — творцом трансчеловека, его воображение превосходит то, что Ф. Ницше называл слишком человеческим. Это одна сторона зеркала техники, обратную сторону призвана обличать гуманитарная мысль. В данной работе эта мысль содержится в идее кенозиса (Божественного самоуничужения Христа через вочеловечение вплоть до вольного принятия Им крестного страдания и смерти) лучших качеств человека как смертного существа, утверждающего себя и творящего самого себя через эту смертность. В оригинальной книге Макса Тегмарка рассматривается интересная мысль — как будет выглядеть человечество при реализации сильной версии искусственного интеллекта (AGI)? На что будет похожа жизнь человека при «технологической сингулярности» [14]? Эти вопросы не являются праздными размышлениями ученого человека, но вызовом на те возможные сценарии, которые могут быть реализованы с появлением AGI. Будет ли человек сверхчеловеком или его вытеснит искусственный интеллект, по иронии судьбы созданный самим человеком? Пророческие слова К. Ясперса, что XXI век должен быть веком гуманитарных наук, начинают оправдываться настоящим временем. Более того, возникают новые направления в философии, пытающиеся осмыслить новые витки развития нейронаук и их технического применения. Нейрофилософия — одна из таких дисциплин, вбирающая в себя пласт различных научных направлений, таких как нейрофизиология, нейропсихология, когнитивистика, а также опыт исследования искусственного интеллекта на его современном этапе. Не вызывает сомнения необходимость внедрения подобных дисциплин в кластер гуманитарных наук, однако он должен пополняться в связи с новыми реалиями времени. В связи с увеличением в современном обществе иррационального фактора необходимы новые подходы к анализу и прогнозированию будущих сценариев развития человеческого сообщества. К такому подходу можно отнести понимающую интуицию в смысле синтеза герменевтики как искусства толкования и нейрофилософии как способа исследовать человека в его когнитивном и эссенциальном аспектах. Гибкость такого подхода состоит в том, что он исследует человеческую деятельность из ее глубины, охватывая ядерные структуры личности и зависящую от них жизнь социума. Актуальность интуитивного подхода состоит в его внерациональной природе,

которая когерентна процессам в современном обществе, а подобное познается с помощью подобного. Нельзя воспринимать данное заявление как призыв к впаданию в иррационализм, напротив, интуиция находится на границе иррационального и рационального. Отсюда ее эвристическая способность прямо усматривать суть событий и возможность прогнозировать будущее.

Можно сделать вывод, что на современном этапе развития человечества философия нуждается в новых подходах, которые позволили бы не только дать диагнозы, но и прогнозы на будущее, а также позволили совершить верные решения относительно выбора будущих сценариев.

Литература

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
2. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.
3. Ветлесен А. Ю. Философия боли. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 240 с.
4. Вирильо П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. 144 с.
5. Вульф К. Антропология воспитания. М.: Практикс, 2012. 295 с.
6. Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. 718 с.
7. Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. 320 с.
8. Монтень М. Об искусстве жить достойно. Философские очерки. М.: Детская лит. 1973. 206 с.
9. Мареева Е. В. От искусственного интеллекта к искусственной душе // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 171–177.
10. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
11. Свендсен Л. Философия скуки. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 256 с.
12. Севальников А. Ю. Онтологические аспекты виртуальной реальности // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты: сб. ст. / отв. ред.: И. А. Акчурин. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 384 с. С. 208–241.
13. Скэрдеруд Ф. Беспокойство. Путешествие в себя. Самара: Бахрах-М, 2003. 280 с.
14. Смолин В. С. Перспективы человека в эпоху технологической сингулярности // Эпистемология и философия науки. 2020. № 2. Т. 57. С. 192–206.
15. Тарасов Б. Н. «Тайна человека» и тайна истории. Непрочитанный Чаадаев. Непознанный Тютчев. Неуслышанный Достоевский. СПб.: Алетейя, 2012. 352 с.
16. Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы: Коллоквиум, 2011. 430 с.
17. Шипилов А. В. «Свой», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 568 с.
18. Эпштейн М. Будущее гуманитарных наук. М.: РИПОЛ классик; Пангloss, 2019. 239 с.
19. Эпштейн М. Проективный философский словарь. СПб.: Алетейя, 2003. 512 с.
20. Юлина Н. С. Философский натурализм: о книге Д. Дэннета «Свобода эволюционирует». М.: Канон+; Реабилитация, 2007. 240 с.

Literatura

1. Berdyaev N. A. Filosofiya svobody`. Smy`sl tvorchestva. M.: Pravda, 1989. 608 s.
2. Vasil`ev V. V. Trudnaya problema soznaniya. M.: Progress-Tradiciya, 2009. 272 s.
3. Vetlesen A. Yu. Filosofiya boli. M.: Progress-Tradiciya, 2010. 240 s.

4. Virilio P. Mashina zreniya. SPb.: Nauka, 2004. 144 s.
5. Vulf K. Antropologiya vospitaniya. M.: Praxis, 2012. 295 s.
6. Kant I. Sochineniya: v 8 t. T. 8. M.: Choro, 1994. 718 s.
7. Lanier Dzh. Vy` ne gadzhet. Manifest. M.: Astrel`: CORPUS, 2011. 320 s.
8. Montaigne M. Ob iskusstve zhit` dostojno. Filosofskie ocherki. M.: Detskaya lit., 1973. 206 s.
9. Mareeva E. V. Ot iskusstvennogo intellekta k iskusstvennoj dushe // Voprosy` filosofii. 2014. № 1. S. 171–177.
10. Platon. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 2. M.: My`sl`, 1993. 528 s.
11. Svendsen Lars. Filosofiya skuki. M.: Progress-Tradiciya, 2003. 256 s.
12. Seval`nikov A. Yu. Ontologicheskie aspekty` virtual`noj real`nosti // Virtualistika: e`kzistencial`ny`e i e`pistemologicheskie aspekty`: sb. st. / otv. red.: I. A. Akchurin. M.: Progress-Tradiciya, 2004. 384 s. S. 208–241.
13. Skerderud F. Bepokojstvo. Puteshestvie v sebya. Samara: Baxrax-M, 2003. 280 s.
14. Smolin V. S. Perspektivy` cheloveka v e`poxu texnologicheskoy singulyarnosti // E`pistemologiya i filosofiya nauki. 2020. № 2. T. 57. S. 192–206.
15. Tarasov B. N. «Tajna cheloveka» i tajna istorii. Neprochitanny`j Chaadaev. Nepoznanny`j Tyutchev. Neuslyshanny`j Dostoevskij. SPb.: Aletejya, 2012. 352 s.
16. Thiselton E. Germenevtika. Cherkassy`: Kollokvium, 2011. 430 s.
17. Shipilov A. V. «Svoi», «chuzhie» i drugie. M.: Progress-Tradiciya, 2008. 568 s.
18. E`pshtejn M. Budushhee gumanitarny`x nauk. M.: RIPOL klassik; Pangloss, 2019. 239 s.
19. E`pshtejn M. Proektivny`j filosofskij slovar`. SPb.: Aletejya, 2003. 512 s.
20. Yulina N. S. Filosofskij naturalizm: O knige D. De`nmeta «Svoboda e`voljucioniruet». M.: Kanon+; Reabilitaciya, 2007. 240 s.

A. V. Maslova

Fundamental Understanding on the Way to a New Anthropology

The article is devoted the problem of transformation of human nature during historical development and complication of social reality. One of the most topical problem of contemporary is a person's self-identification in the epoch of total technogenesis due to reorienting in space and time takes place. This process leads to change of thinking and cognitive transformation.

The dialectical interaction of the rational with the irrational is an important aspect for the phenomenon of understanding on which human nature is based in the modern world. The extra-rational factor in its constructive, creative potential is gradually being superseded by an artificial virtual reality. A distinction is made between natural virtual reality, based on the creative power of imagination, and artificial virtual reality, representing for the human mind a ready-made multimedia product, in which one becomes a passive actor.

In the article problems of chancing of human nature in the light of transhumanism and evolution of thinking in the context of the chancing reality on digital reality are considered. According phenomenon of understanding attains a new sense, which remains on the other side of humanity today. In this situation the tragedy of understanding consists.

Keywords: anthropology; transhumanism; self-awareness; understanding, thinking.